

Глава 8: Зови меня гэгэ

Шэнь Цзицзе вошел в дом, как и хотел, сел на деревянный диван и откинулся на прохладную спинку, потягиваясь каждой клеточкой тела.

Лу Жун посмотрел на его загорелое лицо, встал, достал эскимо из морозилки в углу, протянул ему и сказал: "Ешь".

Его глаза были полуприкрыты, длинные ресницы прикрывали глаза, а голос был мягким, но ровным.

Родители Шэнь Цзицзе родили его в возрасте чуть за сорок, и, за исключением его строгих академических требований, он считался очень избалованным в других аспектах. Ученики в классе также считали его своим лидером и слушались его во всем. Поэтому, хотя он и хотел съесть эскимо, отношение Лу Жуна сделало его несчастным, и он жестко отказался: "Нет".

Сказав это, он снял школьную сумку с плеча и притворился, что ищет внутри книги.

Лу Жун ощетинился и повернулся, чтобы положить эскимо обратно в морозилку.

Сердце Шэнь Цзицзе стало еще более раздраженным. Разве ты не мог быть более убедительным? Ты не можешь быть немного мягче в своем тоне? Даже если бы ты передал его чуть дальше, я бы его принял.

Лу Жун откинулся на спинку стула за своим маленьким столиком, взял половинку фруктового мороженого из эмалированной банки и продолжил есть и делать домашнее задание.

Чавк... Отстой...

Шэнь Цзицзе разложил на коленях тетрадь для сочинений и начал писать в неудобной позе, бросив: "Образованные люди не шумят, когда едят".

Лу Жун перестал сосать эскимо и взглянул на Шэнь Цзицзе взглядом, который ничего не выражал и вместо этого откусывал маленькие кусочки.

Хруст... Хруст...

Шэнь Цзицзе уставился на тетрадь сочинений и холодно сказал: "Совсем как крыса, поедающая соевые бобы".

Лу Жун откусил кусочек и осторожно пососал его во рту, затем высунул свой розовый язычок,

чтобы слизнуть капельки с эскимо, тихо, не издавая ни звука.

Шэнь Цзицзе, однако, был склонен повернуть голову в другую сторону, но не смог удержаться, взглянул на него. Увидев, что Лу Жун так сосредоточенно ест, он сказал, чувствуя гнев: “Кто в наши дни все еще ест фруктовое мороженое?! Никто их не ест! Их выбрасывают на улицу, и у некоторых людей все еще хватает наглости их есть”.

Лу Жун энергично облизывал эскимо, но потом перестал двигаться и медленно убрал язык. Он положил остатки эскимо в эмалированную банку и сидел там, не двигаясь, его белые уши были покрыты слоем красного.

Когда Шэнь Цзицзе был удовлетворен, Лу Жун встал, и стул позади него с долгим скрипом отодвинулся.

Он, как маленький вихрь, подошел к холодильнику, сердито достал эскимо и протянул его большой желтой собаке, лежащей на столе, громко сказав: “Ешь эскимо, маленькая собачка!”

Затем он достал из эмалированной банки половину оставшегося эскимо, отправил его в рот и откусил.

Отстой... Чавк...

Хруст... Хруст...

Шэнь Цзицзе ничего не сказал.

Остаток дня был тихим, они оба работали над домашним заданием в тишине, только жужжал вентилятор и стрекотали цикады были слышны.

Шэнь Цзицзе положил свою тетрадь на подлокотнике деревянного дивана и повернул верхнюю часть тела, чтобы писать. У него никогда не было такой мотивации делать домашнее задание, и он взял свою сумку с горой книг, чтобы совладать с родителями. Но в данный момент он не мог придумать ничего другого, чтобы выглядеть занятым, кроме как делать домашнее задание, а не тупо сидеть на диване.

Это заставило бы его выглядеть ничуть не подавленным.

“...Посреди ночи под проливным дождем мой отец останавливал такси на улице, и мне было тяжело лежать на спине и видеть так много седых волос на его макушке...”

Он стоял лицом к Лу Жуну и мог видеть, что Лу Жун оставил маленький письменный стол наполовину открытым. Он бы туда не пошел, его гордость все еще не оправилась от того, что

его совали в собачью нору и тыкали фруктовым мороженым. Не говоря уже о том, что это был просто корявый почерк, который для него ничего не значил.

Двое детей игнорировали друг друга до заката, когда вернулись взрослые.

На этот раз Шэнь Янь был единственным, кто последовал за дедушкой Цаем. Водитель и другие сотрудники вернулись на строительную площадку, а Шэнь Янь приехал, чтобы забрать Шэнь Цзицзе, поэтому, естественно, он остался здесь, чтобы поужинать.

“Вы двое поладили сегодня?” Шэнь Янь с улыбкой спросил Лу Жуна и Шэнь Цзицзе за обеденным столом.

Двое детей не ответили, просто уткнулись в рис. Лу Жун отщипнул кусок свиных ребрышек и спокойно передал его большой желтой собаке под столом. Большой желтый пес взял ребрышки в рот и поспешил к собачьей будке в углу двора, чтобы пожевать их.

Дедушка Цай поставил на стол две белые фарфоровые чашки, взял стеклянную банку, полную светло-коричневой жидкости, и наполнил их.

“Это мое собственное сливовое вино, с очень низким содержанием алкоголя, как сахарная вода”. Он рассказал об этом Шэнь Яню.

Он также шлепнул Лу Жуна по руке, которая тайно тянулась к нему: “Дети не пьют”.

Лу Жун коснулся тыльной стороны своей ладони, но ему было все равно, и его скользящие глаза посмотрели на бокал с вином.

“Какой процент этого вина?” Шэнь Янь причмокнул: “Это хорошо пить летом. Оно кисло-сладкое, и процент его не слишком высок.”

Дедушка Цай сказал: “Я точно не знаю, но это примерно то же самое, что пиво”.

Лу Жун взял пару палочек для еды, одну сунул дедушке Цаю в подмышку, другую обмакнул в стакан и засунул в рот.

Шэнь Янь выглядел удивленным и сказал дедушке Цаю: “Пиво не считается вином, так что давайте дадим Жун-Жун глоток”.

“У меня повсюду спрятано это сливовое вино. Я могу только повесить его на балку крыши, иначе он найдет его и украдет. - Дедушка Цай беспомощно покачал головой.

Шэнь Цзицзе ел без всякого выражения, но на самом деле он был в восторге. Это был первый раз, когда он встретил парня, который любил выпить, и он был немного изумлен и не убежден.

Поэтому он несколько раз пристально посмотрел на Лу Жуна.

Дедушка Цай достал еще две белые фарфоровые чашки, поставил их перед Лу Жуном и Шэнь Цзицзе и налил каждому по одной чашке.

“Можно Сяо Цзе тоже выпить чашечку?” - спросил дедушка Цай у Шэнь Яня.

Шэнь Янь похлопал Шэнь Цзицзе по плечу и смело сказал: “Ему можно. Мой племянник умеет пить. Все в порядке, это просто как пиво”.

Шэнь Цзицзе не хотел говорить при Лу Жуне, что он даже не пил пива, поэтому он посмотрел на вино перед собой и замер. Он увидел, что Лу Жун уже взял бокал с вином, надул губы и осторожно сделал глоток, а затем удовлетворенно прищурился, его темные ресницы дрожали, как ряды маленьких вееров, и выглядел он очень счастливым.

Поэтому он тоже взял вино и отпил немного.

Вино у него во рту действительно было кислым и сладким, со сливовым ароматом, как кислый сливовый суп. Но в середине был горьковатый привкус вина, несколько странный и нехороший.

Шэнь Цзицзе просто хотел бросить пить, но увидел, что Лу Жун все еще держит бокал с вином. Два его круглых глаза смотрели на него поверх верхнего края бокала, тайно наблюдая. Сердце Шэнь Цзицзе бешено заколотилось, и он мгновенно передумал, наклонил голову и вылил в горло весь бокал сливового вина, а затем со спокойным видом поставил бокал на стол.

Дедушка Цай снова поднял кувшин с вином и наполнил свой пустой бокал, сказав: “Вам двоим разрешается выпить только два бокала, не больше”.

“Три стакана, дедушка, три стакана”. Лу Жун начал умолять еще до того, как допил один бокал. Он подошел, обнял дедушку Цая и встряхнул его: “Три чашки, хорошо? Хорошо?”

Сердце Шэнь Цзицзе упало. Это вино было совсем невкусным, и настаивать на наполнении трех чашек было равносильно горькой смерти.

Не пьет и не может позволить себе потерять лицо, в конце концов, Шэнь Янь сказал ему, что, если его брат может пить, то и он тоже может.

Он уставился на Лу Жуна и увидел, что тот надувается и дерзит, его красный рот прищелкивает, его голос мягко уговаривает дедушку Цая дать ему три чашки, проклиная в

душе: "Алкоголик, застенчивый дух, сломленный ребенок".

Дедушка Цай не смог устоять перед Лу Жуном, поэтому он дал ему три стакана, и у Шэнь Цзице тоже было три стакана и одеревеневшее лицо.

Все остальное время дедушка Цай и Шэнь Янь продолжали говорить о горе Лунцюань. Только когда трапеза была закончена, Шэнь Янь несколько раз окликнул Шэнь Цзице, но тот не ответил, и только тогда он заметил его странное состояние.

Шэнь Цзице откинулся на спинку стула и ничего не сказал, его лицо было красным, глаза смотрели прямо, ноздри тяжело дышали.

Шэнь Янь протянул руку и несколько раз помахал рукой перед его глазами, но он не ответил, поэтому он поднял голову, и они с дедушкой Цаем посмотрели друг на друга: "Маленький соплик пьян".

Поскольку он был пьян, он просто остался в доме дедушки Цая, а Шэнь Янь вернулся на стройку один.

Когда Шэнь Цзице проснулся, он обнаружил, что лежит в постели, окруженный темнотой, и только свет из соседней комнаты проникает через дверной проем. Он думал, что все еще находится в своем собственном доме, и хотел открыть рот, чтобы позвать своих родителей, но вдруг вспомнил, что последовал за своим дядей в сельскую местность, и это должно быть то место, где он жил.

Его глаза вскоре привыкли к темноте, и при лунном свете, проникающем через окно, он приподнял одеяло из полотенца, которое было на нем, и сел, чтобы надеть ботинки. Рядом с кроватью не было кроссовок, только пара пластиковых тапочек, поэтому он просто надел ботинки, когда услышал смех за окном.

Шэнь Цзице услышал звук, похожий на голос Лу Жуна, и с любопытством выглянул в окно.

Ребенок был весь в пене и стоял голый на краю двора, в то время как дедушка Цай зачерпнул ковшом воды из ближайшего ведра и побрызгал ему на голову.

Ребенок засмеялся, закружился и руками плеснул водой на большую желтую собаку неподалеку.

— Он не обращал внимания на то, что его маленькая «птичка» была выставлена на всеобщее обозрение.

Шэнь Цзице никогда ни перед кем не показывал свою птичку, сколько себя помнил, с тех пор как сам принимал ванну и надевал плавки. Шок от просмотра этой сцены был не меньшим, чем

от того, что Лу Жун умеет пить.

Лу Жун уже закончил мыться, дедушка Цай накинул на него полотенце и сказал: “Заходи внутрь”.

Затем голый ребенок сорвался с места и побежал в его сторону.

Шэнь Цзицзе понял, что он все еще находится в доме бабушки Цая и что Лу Жун, возможно, придет в эту комнату. Он бросился обратно к кровати и забрался в нее, притворяясь, что еще не проснулся, но прежде, чем он успел поставить одну ногу на кровать, раздался щелчок, и дом осветился.

Лу Жун увидел человека в комнате и остановился, затем метнулся к большому шкафу у стены и вытащил из него пару хлопчатобумажных штанов.

Шэнь Цзицзе не мог притворяться спящим, поэтому он забрался в постель и сел на край кровати.

Лу Жун тоже сел на край кровати, чтобы надеть штаны, его тело было только что вымыто водой из душа, и в нос Шэнь Цзицзе донесся слабый запах молока.

“Ты принимал ванну с молоком?” Шэнь Цзицзе подумал, что запах довольно приятный, но намеренно нахмурился.

Лу Жун перестал надевать штаны, надулся и сказал: “Это запах мыла”.

“Пахнет ужасно”. Сказал Шэнь Цзицзе с отвращением в голосе.

Лу Жун повернул голову, чтобы посмотреть на него, его два глаза были круглыми, но они были наполовину закрыты мягкими мокрыми волосами, и он совсем не выглядел злым, напомнив Шэнь Цзицзе щенка, которого он видел на въезде в деревню.

“На самом деле ты можешь выпить сливового вина и все время спать, промежуточно открывая глаза, как это никудашно”. Лу Жун начал отвечать тем же, демонстрируя презрительный взгляд.

Шэнь Цзицзе вообще не хотел упоминать об этом, поэтому он опустил лицо и сменил тему: “Когда я начал спать, ты продолжал наблюдать за мной?”

“Да, я хотел посмотреть, как ты заснешь и умрешь”.

Шэнь Цзицзе увидел, что его штаны все еще висят на сгибе ноги, его птичка широко раскрыта в воздухе, и спросил: "Разве ты не знаешь, как надевать штаны?"

Лу Жун снова опустил голову, чтобы надеть брюки, согнувшись между своей небольшой выпуклостью живота, выдавив несколько складок. Все его тело было мясистым и очень белым.

"Бледный толстячок". Шэнь Цзицзе прищурил глаза и сказал очень мягким голосом.

Лу Жун вздрогнул и напрягся, и как только он медленно повернул голову, вошел дедушка Цай и улыбнулся: "Сяо Цзе проснулся?"

"Дедушка, я проснулся". Шэнь Цзицзе выпрямился и вежливо ответил.

"Дедушка, этот человек только что назвал меня толстым бледным мальчиком". Лу Жун печально пожаловался, его голос звучал жалобно.

Шэнь Цзицзе изобразил ошеломленное лицо и невинно посмотрел на Лу Жуна, поняв по выражению его лица, что он вообще ничего такого не говорил, но в душе с ненавистью выругался: "Ябеда".

Дедушка Цай, однако, явно не воспринял это всерьез, протянув руку, чтобы ущипнуть Лу Жуна за мягкие щеки: "Но он просто немного толстоват. И не называй его "этот человек", называй его гэгэ."

Дедушка Цай наклонился, чтобы натянуть штаны, и Шэнь Цзицзе увидел, как Лу Жун повернул к нему голову и закатил глаза, поэтому он сделал молчаливый жест: "Зови меня гэгэ".

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326837>